

сказать, что повесть о Ярополе в целом выполнена в духе русских воинских повестей и история «о покинутом сыне» составляет лишь одну из ее частей, тогда как повесть о Ефродите и Максione целиком сочинена на данный сюжет и обильно расцвечена рыцарскими эпизодами, которым нет какого-либо соответствия в повести о Ярополе. Никакой непосредственной связи между данными повестями нет. Они возникли независимо одна от другой на основе каких-то односюжетных сказок или повестей (последние в свою очередь также могли возникнуть на основе сказок).

Свидетельством того, что сюжет «о покинутом сыне» в сравниваемые повести привнесен извне и лишь обработан авторами, может служить логическая несогласованность отдельных сюжетных мотивов, имеющая место не только в повести о Ярополе,⁴ но также и в повести о Ефродите и Максione. Так, в самом начале сказано, что король Ефродит, уезжая от принцессы Марианны, оставил в дар будущему ребенку золотую «вещь в подобие короны» на «золотой цепочке», в конце же Максion в доказательство своего высокого происхождения «от коронованной персоны» предъявляет королю «патрет». Или еще: в тексте сказано, что подземный ход был сделан тремя мастерами, которые поклялись Максionу скрыть ото всех дело своих рук, но вдруг тайну влюбленных, неожиданно для читателя, открывает в доносе королю некий кавалер Фурней. Каким образом секрет стал известен Фурнею, узнать невозможно. В лучших же сказках с однозначным сюжетом подобных несоответствий не имеется: донос королю совершается либо одним из устроителей подземелья, либо ночлежником купца, ставшим случайным свидетелем встречи влюбленных; предмет, завещанный королем сыну, остается одним и тем же, хотя и различным в разных сказках. Наконец, обращает на себя внимание и то, что в повести о Ефродите и Максione, в отличие от родственных сказок, неудачно введен в повествование главный, стержневой эпизод, вокруг которого строится все произведение — поездка героя в страну отца и встреча с ним. В сказках, когда королевич вырастает, он едет, чтобы найти неизвестного ему отца; в повести же Максion отправляется в «Европию» за наукой. Вследствие такой мотивировки поступка героя автор наделяет его качествами, не известными сказочным персонажам, и в то же время он делает явный художественный просчет, которого нет в сказках: поездка Максiona в Дрезден и встреча с отцом является результатом случайностей, непреднамеренных поступков, что делает его пассивным; кроме того, и все повествование теряет ту четкость и целеустремленность действия, которые свойственны соответствующим устным сказаниям.

Все сказанное (а примеры, аналогичные приведенным, можно было бы умножить) позволяет сделать вывод о первичности сказок и вторичности повести о Ефродите и Максione, разрабатывающих один и тот же сюжет («о покинутом сыне»).

* *
*

Многочисленные записи на списках повести о Ефродите и Максione свидетельствуют о большой распространенности ее в XVIII в. Чем же интересовала она русского читателя? Здесь читателя увлекал мир страстной и верной любви, преодолевающей всевозможные препятствия; драматическая борьба не узнающих друг друга отца и сына, наконец, образ

⁴ М. В. Николаева. «История о Ярополе-царевиче» и сказочно-былинная традиция. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 64—65.